

София Данько*

МОЖНО ЛИ ВЫРАЗИТЬ МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ? **

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-157-166.

Интонация статьи Юлии Горбатовой прибавляет смелости выйти из тени форматного философствования и поделиться тем, что для меня крайне важно и что относится к тому немногому, что вообще есть (или, скорее, было) за душой. Речь пойдет о мистическом опыте, который, насколько я поняла, имеет прямое отношение к идеям заглавной статьи. Слово «мистический» я использую в том смысле, который можно связать с выражениями «чудо», «волшебство», «невероятно», «немыслимо» и т. п.

Мистический опыт (в существовании которого я не сомневаюсь) должен, видимо, иметь какое-то отношение к мысли, иначе он просто не фиксировался бы сознанием. Однако выразить некоторый опыт означает найти верные слова для его передачи другим людям. Способен ли язык подвести другого к аналогичному опыту? Выражает ли язык какое-либо понимание мистического опыта, позволяет ли он транслировать это понимание? Обращаясь к этой теме, я не претендую на ее общий историко-философский обзор или анализ. Я намереваюсь сопоставить свой собственный необычный опыт с похожим, насколько могу судить, опытом Ж.-П. Сартра, и на основе этого сопоставления обсудить поставленные вопросы.

Упомянутый опыт мне довелось пережить еще в студенчестве. Уже тогда я убедилась, что случившееся — не предмет для светских разговоров. Вероятно, многие люди переживают нечто подобное, но не говорят об этом, чтобы не сойти за сумасшедших, или потому что об этом нет смысла говорить — такой опыт никак не связан с тем, как устроена жизнь, он несовместим ни с одной из естественных жизненных практик, жизнь вообще не предполагает обстоятельств, в которых имело бы смысл обсуждать нечто подобное. Тем не менее, тогда же,

* Данько София Владимировна, к. филос. н., доцент школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», sdanko@hse.ru.

** © Данько, С. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

«по свежим следам» я попыталась подобрать слова и записать для себя «увиденное» (припомнив вначале сходное детское впечатление), и теперь, спустя много лет, помещаю эту хронику здесь — не как образчик философского или художественного письма, а как искреннее свидетельство очевидца. Добавлю, что по всем социальным показателям очевидец пребывал в здравом уме и твердой памяти, и придерживался в то время исключительно здорового образа жизни.

КОНТАКТ

1. КАМЕНЬ

Однажды в детстве, гуляя по улицам, я заметила очень странный камень. Я взяла его в руки, долго рассматривала, но так и не поняла, в чем дело. Я решила, что камень, должно быть, скрывает какую-то тайну, которая со временем откроется.

2. НЕБО

Насмотревшись в окно на февральский пейзаж, подтягиваю к себе тетрадь. Как обычно, тут же накатывает вязкая сонливость вкупе с желанием прогуляться в буфет. В тетради — осточертевший доклад к грядущему семинару. Я пишу его уже вторую неделю, и с каждым днем он становится все меньше. Собственно, меньше уже некуда, не вычеркнуто всего одно предложение: «скептицизм предполагает веру в непостижимое». Похоже, доклада не будет.

А за окном — деревья, крыши, бледное небо... На небе — еле заметные облака, смутные отблески солнца...

...Эти бледные, далекие облака — какие-то странные. Не пойму, что в них не так. Или не в них... Нет, дело не в облаках. Там еще что-то есть. Или нет?..

Я снова попыталась вникнуть в тему перечеркнутого доклада, но отвлечься от созерцания неба было невозможно — там явно творилось нечто странное, хотя ничего определенного там, наверху, не было.

...Нет, так не бывает. Если что-то есть, то есть и что-то. А здесь — ничего. И в то же время — такое живое... присутствие.

3. ЗЕРКАЛО

В студенческом общежитии на Вернадского у меня ни друзей, ни знакомых. Получив ордер месяц назад, я каким-то чудом вселилась

в малогабаритную «трешку» на девятнадцатом этаже. Начало весны, я ничего не понимаю в философии, личная жизнь отсутствует, и все... прекрасно.

Сейчас я одна в комнате. Вечерний сумрак окутывает интерьер из типовых тумбочек, полочек и прочих атрибутов студенчества. Зеркало здесь отменное, во весь рост и в деревянной раме. Беру расческу, намереваясь довести свою внешность до совершенства, и тут замечаю «за стеклом» какую-то странность: что-то произошло с моим отражением. Оно будто бы отделилось от меня и теперь стоит и разглядывает меня в упор. Мрачное, жесткое лицо... Это я? Стою, боясь пошевелиться и спугнуть наваждение. Или это не наваждение? Фигура напротив — поразительно отчетлива и пугающе реальна. И странное дело — ее преувеличенная реальность как будто знакома мне, она напоминает... Да!.. Не так давно я уже видела нечто подобное, правда, то было безликим, неуловимым, воспринималось не как вещь, вроде облака или птицы, но оно было, оно настолько было, словно стремилось... сообщить о себе. Такое же ожившее присутствие я вижу сейчас в зеркале, но сейчас присутствует нечто определенное... И это, конечно же, не я. Мое изображение действительно смотрит на меня, возможно, потому, что и я первый раз в жизни смотрю на свое изображение и первый раз действительно вижу... что-то. Осторожно перевожу взгляд на зеркальные дубликаты других вещей, затем на сами вещи. Ничего особенного. Хотя все они тоже присутствуют. Ну и... что? В присутствии вещей нет ничего особенного, их присутствие обычно. Обычно?

4. ЛЕКЦИЯ

Устроившись в последнем ряду поточной аудитории, пытаюсь хоть что-нибудь уловить... Безнадежно. Все это напрочь задавлено тем, что я вижу своими глазами. Кажется, я, наконец, начинаю понимать, что творилось с тем камнем: то же, что с полоской неба, и со всем небом, и с моим отражением в зеркале. То, что происходит сейчас с мятым листком бумаги, который сквозняк тащит по полу, и с маленьким пожилым лектором, который пытается донести до нас ступенчатую структуру марксизма. Интересно, а видит ли он?.. Скорее, нет, если бы он это видел — не говорил бы ничего глубокомысленного, замер бы, не зная, что и сказать. Хотя почему? Вот я, сижу тут и даже пытаюсь конспектировать. Это так естественно для студента — сидеть и записывать лекцию. Вот и он делает то,

что естественно. Увидел, пережил и остался при своем, человеческом деле. Но нет. Что-то в его словах, его жестах подсказывает, что он не видел этого никогда.

5. ОКНО

Все та же заоблачная комната в общежитии, на сей раз — ночь. Студенческая жизнь в разгаре, комната заполнена поляками, друзьями моей соседки, веселая болтовня тонет в оглушительных раскатах тяжелейшего рока. Обаятельный Владек, изящно смещая ударения, задает мне анкетные вопросы. Он издевательски вежлив — я представляю ему прилежной зубрилкой, у которой можно стрелкнуть дефицитный учебник или конспект. Он ошибается, но мне лень его разубеждать. Устав от моих однообразных ответов, Владек прибавляет звук. Колонки вот-вот взорвутся.

— Тебе не мешает музыка? — любезно интересуется он.

— Мне нет. Сторожу внизу — да.

— Ему за это деньги платят, чтобы терпел.

Владеку нет дела до сторожа. Он скучает и вяло ищет способ развлечься. А мне есть до всего дело, особенно до огромного открытого окна. За окном — тьма, но не только. Бешеным, нескончаемым потоком в окно вторгается... живое... бесформенное... немислимое...

— У тебя самоуверенная подруга, — сообщает Владек моей соседке.

Соседка поправляет его:

— Не самоуверенная, а уверенная в себе.

...Тьма реальна.

6. МИР

Постепенно ожили все вещи. Оказалось, мир действительно существует, а я и не подозревала об этом. Это открытие поглотило меня полностью. Да, это было немисливо — весь мир есть, но почему? Вопрос упирался в глухое ничто, никакая причина не подразумевалась.

Раньше мир выглядел устойчиво, как будто его не может не быть. В нем чудилась необходимость, он не пугал своей зыбкостью, в его основе была надежная плотность вещества.

Но, как теперь оказалось, это был несуществующий мир, вернее, он скрывал свое существование. Теперь мир существует, но от его плотности не осталось и следа, скорее, он выглядит так, будто его не может быть, и он готов исчезнуть.

Как изображение на экране — тончайший слой света и тени — и целая панорама событий. Но за плоским экраном — пустота. Щелк — и тьма.

В каком-то смысле видимый мир действительно уподобился изображению, которого нет, есть лишь холст и краски.

Так и существование: изображая очаг, оно остается существованием, а не очагом.

Почему-то мысль о «материальности» вещей не отменяла сами вещи, любая вещь поддерживалась своим материальным субстратом, состояла из послушного, инертного вещества.

Устойчивая, понятная вещественная основа испарилась, как только мир обнаружил свое существование, когда оказалось, что оно-то и есть субстрат всего наблюдаемого, существование, а не вещество.

Такой мир уже недоступен пониманию.

Сотканный из существования мир — почему в нем все же присутствует определенность, и почему он такой, а не иной?

Никаким «законам природы» он не может подчиняться, поскольку существование не имеет и не может иметь причины или внешнего принуждения, и значит, оно абсолютно произвольно изображает то, что мы называем миром.

Существование есть все, что вообще есть. И тогда получается, что существование само изобретает весь рисунок мира.

Но зачем?..

Меня бы потрясло, если бы вдруг выяснилось, что мрамор сам принимает форму статуи. Или дерево само решает, каким ему быть. «Спасает» то, что кроме мрамора или дерева есть что-то еще, иное.

Всегда, для всего есть иное, на которое можно списать причину определенности любой вещи.

Но вот обнаружилось то, для чего нет и не может быть иного. Потому, что это все, что есть — само существование. И тогда — только в нем коренится всякая определенность.

И ни одна выделенная определенность не может происходить из другой выделенной определенности.

Любая определенность — произвольный рисунок существования.

Почему он произвольный? Потому что нет ничего, кроме существования, которое собою и образует любую определенность — цвет, форму, смех, горе, просяное зерно, морскую волну, толпу на площади.

Оно изображает — то, другое, третье, и ничто его не принуждает, просто потому, что больше ничего нет.

И нет посредника между существованием и тем, что существует, ничего иного нет.

Это становится очевидным, когда существование обнаруживает себя.

Существование немислимо, но — вот оно.

Но как быть с тем, что вот это, насквозь чуждое, немислимое существование рисует такой понятный, близкий и знакомый мне мир?

7. ОДУВАНЧИКИ

Иду на почту вдоль усыпанного солнечными бликами пруда. Мокрая трава сияет, к берегу в разных местах причаливают утки в окружении пушистых утят. Уже расцвели одуванчики, они — повсюду. Разглядывая их на ходу, вдруг испытываю странное, тоскливое чувство, которое заставляет смотреть, не отрываясь, на эти желтые пятна в траве, и я смотрю, спотыкаясь на каждой кочке, смотрю, до ряби в глазах...

И тут я останавливаюсь как вкопанная, я поняла, в чем дело. В том, что их... нет! Их больше нет, они стерлись, их реальность ушла, исчезла. Я с ужасом смотрю вокруг: трава... деревья... пруд... ни-че-го.

8. ДОЖДЬ

*Стою на балконе общежития. Пасмурно, дождь идет. Смотрю на дождь. Мне очень скверно. Таращу глаза, пытаюсь увидеть — что? Понятия не имею, силюсь вспомнить, и не могу. Что же это было, куда подевалось, и что осталось, и что теперь делать? Даже не могу припомнить слова, которые хоть как-то выразали... ведь были какие-то слова? Впиваюсь взглядом в дождь. Полупрозрачные, рассеченные струи. Тянутся, сверху-вниз. С неба до земли. Или — снизу-вверх, с земли до неба. Струи. Какое-то в них есть... упорство. А если представить, что они замерли? Или исчезли?.. Струи дождя, длинные, рассеченные, они упорно... вот оно! Будто прощаясь, на едва уловимое мгновение дождь **мелькнул**. Но я успела, успела поймать то слово — в его безграничном и недоступном смысле. Дождь существует. Существует. Нет, не льется, а равно существует на всем своем протяжении.*

ЭПИЛОГ

Больше ничего не было.

Вскоре после этих событий мне довелось прочесть роман Сартра «Тошнота», ставший для меня своего рода реликвией. Именно этот роман убедил меня в том, что необычный опыт может быть выражен, правда, с определенными оговорками.

1. МОГУТ ЛИ СЛОВА ВЫРАЖАТЬ МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ?

Насколько я могу судить, Сартр в романе описал именно то, с чем мне довелось столкнуться¹. Я не обладаю литературными талантами, и моя хроника относится к роману Сартра как губная гармошка к симфоническому оркестру, но для меня остается фактом, что почти в каждой фразе Сартра, связанной с существованием, я узнаю тот или иной оттенок собственного переживания.

В этой связи я склоняюсь к тому, что слова могут выражать особый опыт, но, видимо, лишь для тех, кто уже пережил его, и уже как-то «понял». Я не настаиваю на обобщении, но, по моим наблюдениям, для обычного, «мирского» понимания Сартр совершенно закрыт: в частности, комментарии многих специалистов напоминают, прошу прощения, реакцию Самоучки, ставшего свидетелем откровенности Рокантена. В таких комментариях (пользуясь жанром этой статьи, я их переформулирую, и не буду указывать их авторство) идеи романа поясняются, по выражению самого Сартра, в «категории принадлежности»: описывается «поверхность» мира, внешние качества вещей. Со своей стороны могу заверить, что это не имеет никакого отношения делу. Например: «Джунгли наступают на город, природа поглощает хрупкую человеческую цивилизацию». Нет, у Сартра речь не об этом. В таком виде речь идет о внешней картине, о связи между элементами этой картины, а не о том, из чего сделан этот «театр». Или: «чудовищные осьминоги вылезают на сушу, наводя ужас на беспомощных горожан». Сартр в романе высказывал, действительно, нечто подобное, но дело, конечно же, не в ужасности природных форм. Да, немислимое, сверхфантастическое существование легко может принять любые формы, в том числе и кошмарные для человеческого восприятия, и Сартр ясно видел такую возможность (как и автор этих строк), однако дело все-таки не в формах. Дело в убийственной реальности и беспредельной невероятности самого существования, обеспечивающего собою же все свои

¹Хотя упоминаемой им экзистенциальной «тошноты» я не испытывала.

формы. Поэтому спокойная уверенность людей, что они кое-что понимают в этой жизни — чистая комедия. Сартр пишет о юной девушке, восторгающейся своим телом, не подозревающей, что на самом деле ее тело состоит из оглушительно абсурдного существования, т. е. вся эта юная дева является *невестью чем*. Он пишет о людях, чьи портреты красуются в галереях, о беззаботных парижанах, заполняющих кафе и рестораны. Все преспокойно заняты своими делами, никто ни о чем не подозревает, все сознают лишь «поверхность», воспринимая форму вещей всерьез — будто каждый предмет равен себе, является самим собой: дерево — это именно дерево, река есть река, сиденье автобуса — есть сиденье автобуса, и более ничего. Лишь Антуан Рокантен (т. е. Сартр) в одиночестве своем осознает пустоту имен, как шелуха облетающих с немислимого, всезаполняющего существования. Он совершенно точно знает, что сиденье автобуса в любую секунду может превратиться во что угодно, встопорчиться иглами или раствориться в воздухе. Но дело совсем не в том, во что оно превратится. Важно, что уже сейчас это «безобидное» сиденье автобуса является тем, о чем невозможно думать, природу чего невозможно вообразить. Наивность уверенного человека не знает границ, поскольку человек, как правило, не в состоянии видеть то, из чего сделан мир, из чего сделан он сам, не может непосредственно осознавать безграничную власть существования.

Я, конечно, понимаю, что мои пояснения не имеют адресата: те, кто понял Сартра, в них не нуждаются, другим они будут непонятны, как будет непонятен сам Сартр: даже его гениальные метафоры ничего не скажут тому, кто сам не столкнулся с мистикой существования мира.

2. ЧТО МОЖЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ ПЕРЕЖИВАНИЮ МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА?

О. Хаксли, затеявший эксперименты с мескалином, писал, что выход за пределы естественного восприятия реальности может произойти в результате болезни, наркотического воздействия или спонтанно. Если прибегнуть к этой рубрикации, мой краткий опыт следует, видимо, назвать спонтанным, если не считать некоторого триггера: перед описанными в «Контакте» событиями я прочитала статью, где излагалась популярная версия квантовой механики. Речь шла о том, что никакого детерминизма нет, и непонятно, почему мир ежесекундно приобретает именно такие, а не иные формы, нет для этого никаких причин.

Возможно, эта идея что-то сотворила с моим, тогда еще не закосневшим сознанием; как бы то ни было, существование стало проявляться практически сразу после ознакомления с этой статьей.

Что побудило Сартра к описанному им опыту, является вопросом его биографии, но рискну все же предположить, что его опыт тоже был спонтанным (вопреки некоторым противоположным свидетельствам). В этом меня убеждает, в частности, знакомая мне последовательность, ведущая от отдельных проявлений существования к существованию всего мира, и то, что Сартр ни слова не пишет о каких-либо изменениях в восприятии внешних форм реальности. Хаксли, чей опыт не был спонтанным, описывает, среди прочего, измененную форму реальности; изменения касаются яркости цвета, отчетливости рельефа и т. п. Кроме того, Хаксли пытается анализировать свой опыт, рассуждает, например, о «клапанах», ограничивающих вторгающийся в сознание поток впечатлений, и о действии наркотического вещества, «срывающего» этот клапан. Сартр, напротив, выдерживает интонацию, соответствующую необъяснимости, невероятности переживаемого им опыта, и не пытается связывать его с функциями сознания, психики, он говорит о том, что о существовании нельзя размышлять со стороны: либо оно явлено, либо его попросту нет. Иными словами, безграничная власть существования распространяется и на то, чтобы проявляться, когда ему вздумается, а не по сигналу запланированного наркотического воздействия. Соглашусь, что все эти расхождения в хрониках Сартра и Хаксли не гарантируют спонтанности опыта Сартра, но, возможно, повышают такую вероятность.

Возвращаясь к вопросу о подведении другого к соответствующему опыту с помощью слов, остается лишь повторить, что описание такого опыта будет понятно, видимо, лишь тому, кто этот опыт пережил. Если какие-то фразы и могут вывести сознание из обычного состояния, то этот эффект, скорее всего, непредсказуемый.

При всем этом мне кажется удивительным, что для мистического опыта вообще находятся какие-то слова, и что описания мистического опыта в принципе могут быть понятны другим, пусть заведомо «осведомленным» людям. В этой связи я кратко представлю идеи Витгенштейна на этот счет.

3. ВИТГЕНШТЕЙН О ГРАНИЦАХ ЯЗЫКА

Витгенштейн неоднократно упоминал опыт удивления существованию мира, называя его мистическим и поразительным. Упомянув этот опыт,

Витгенштейн уточнял, что при его описании он *склоняется* к некоторым выражениям, которые, однако, следует (с его же точки зрения), считать бессмысленными. Согласно его ранним идеям, все осмысленные предложения выражают факты; соответственно, все предложения о существовании мира бессмысленны, поскольку существование мира фактом не является. Согласно его поздним идеям, условие осмысленности предложений заложено в правилах употребления языка, образованных совместными жизненными практиками, к которым упомянутый опыт, очевидно, не имеет отношения. Витгенштейн, правда, учитывает особые, сакральные выражения («вина», «страшный суд» и т. п.) и признает, что они могут быть понятны тем, кто разделяет определенный образ жизни. Для некоторых случаев, даже для многих, это выглядит правдоподобно, однако я не могу представить образ жизни, который сделал бы понятным содержание того опыта, о котором здесь идет речь. Я считаю справедливой предложенную Витгенштейном формулировку: к тем или иным описаниям мистического опыта можно лишь «склоняться». Однако остается неясным, что побуждает людей, переживших мистический опыт, склоняться к *определенным* языковым выражениям (например, «мир существует»). Как возможно понимание этих выражений другими людьми, пережившими похожий опыт, если не существует социальных практик, им соответствующих? У меня нет определенного ответа на такие вопросы.

Dan'ko, S. V. 2018. "Mozhno li vyrazit' misticheskiy opyt? [Is It Possible to Convey Mystical Experience?]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (4), 157–166.

SOFIYA DAN'KO

ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW)

IS IT POSSIBLE TO CONVEY MYSTICAL EXPERIENCE?

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-157-166.